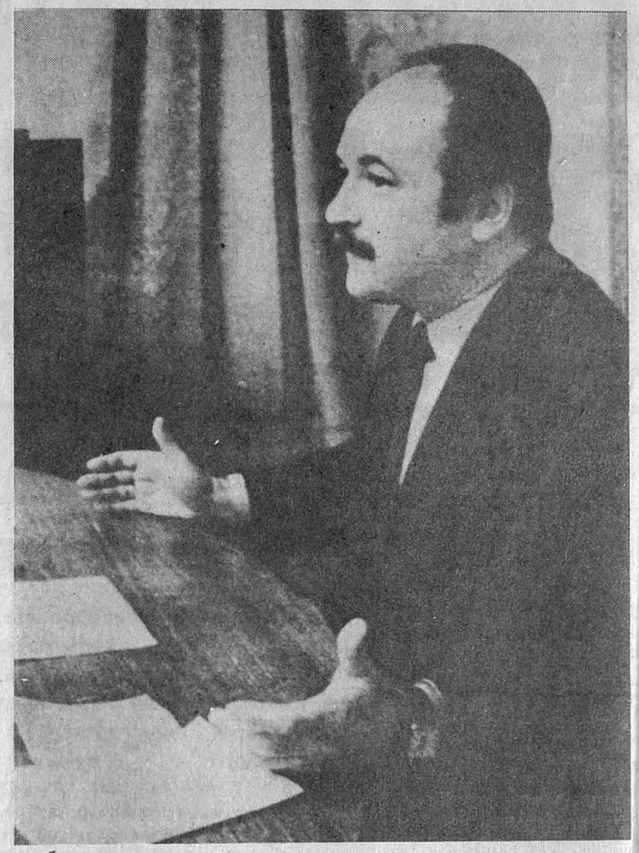
12/II-91г.

"Давайте не будем заниматься идеологическими заклинаниями, а просто скажем: мы хотим жить хорошо",

- предлагает министр культуры СССР Николай ГУБЕНКО.

Молодежь Эстонии. - Таллин. - 1991. - 12 февр.



- Николай Николаевич, наверное, вам задают сегодня один и тот же вопрос - как вы чувствуете себя в роли министра?

- Я не успел стать чиновником, и всякий раз, когда меня называют министром, с непривычки испытываю дрожь. С приходом в министерство, я счел необходимым сделать то, что мне как профессионалу, актеру, режиссеру кажется самым важным: быть полезным братству, товариществу, единству, которое объединяет художников всех направлений вокруг творческой идеи. Культурное пространство страны или Европы, Азии, чего хотите, не имеет границ, таможен. Стремление поставить их внутри страны может обернуться кровопролитием. Мне очень не хочется, чтобы интеллигенция была к этому причастной. На нас тоже лежит ответственность. Мы стесняемся этого понятия, и тем не менее каждый творец, имеющий право на собственную точку зрения, сегодня должен понять, что в какой-то точке мы все должны сойтись, объединиться для жизни в мире и согласии. Сейчас необходимо возродить то, что погубил пафос последних десяти, двадцати, семидесяти лет нашей жизни.

- Что происходит сегодня в Министерстве культуры страны?

- В первую очередь, наверное, разграничение полномочий между союзным и республиканскими ведомствами культуры. Центру отводится скорее координационная функция: никакого нажима, диктата, приказа, конечно же, нет. Но есть договоры между нашим министерством и республиканскими. Необходимость такого сотрудничества, взаимопонимания ощущают все заинтересованные стороны, разве что Литва не идет на переговоры.

Не скрою, нас тоже мучил вопрос: зачем вообще нужно союзное Министерство культуры? Есть пятнадцать республиканских, к чему же шестнадцатое? И все же оно должно быть. Именно ему предстоит взять под свою опеку наше общенациональное достояние. Потому-то при Министерстве культуры СССР и создается всесоюзный фонд развития культуры и искусства.

- Есть ли кадровые изменения?

- Мы стали, пожалуй, единственным ведомством в стране, которое провело конкурс на все без исключения должности в аппарате. Каждого чиновника поставили "на ковер". Это было непросто - по-житейски, по-человечески. Были слезы, обиды, драмы. И все же мы заменили 40 процентов аппарата. Теперь каждый работник заключает с Губенко контракт сроком всего на один год. Почему на год? Потому что мы не знаем, что нас ждет. По этой же причине мы и с республиками заключаем договор всего на 12 месяцев. Планировать до 2000 года какое-то светлое будущее, как бы оно ни называлось, сейчас бессмысленно. Государство находится в переходном периоде от того, чем было, к тому, чем должно стать. Это болезненный, горестный, но в чем-то и счастливый процесс.

- Чего могут ожидать для себя работники культуры, те, кого не назовешь в нашем обществе самыми обеспеченными?

- Наша сфера, как и здравоохранение или образование, самая низкооплачиваемая, чтобы не сказать беднейшая. Если в кордебалете Большого театра человек получает 120 рублей, то, даже выезжая три раза в год за границу, в один прекрасный день он может посчитать лучшим для себя там остаться. Он же прошел прекрасную школу балетного училища, школу Григоровича и Улановой в театре, и может попросту сбежать, не получая адекватной оплаты за свой класс и труд. То же самое - музейщики, владеющие огромной информацией, обладающие уникальными знаниями. А театралы? Да кто угодно... Поэтому, когда видишь этих удивительных, потрясающих подвижников, этих профессионалов самого высокого толка, работающих за гроши, - то понимаешь, что в условиях рынка они погибнут, им есть нечего будет. Мне кажется, у руководства страны есть возможность при рассмотрении вопроса о компенсации, связанной с переходом к рынку, поднять зарплату в непроизводственной сфере, - а здесь и культура, и образование, и медицина - до уровня производственной. Мы говорили об этом с Президентом, видимо, и Совет федерации не обойдет наши проблемы своим вниманием.

- Слово "рынок" звучит сейчас очень часто. Но рынок и культура - это не только зарплата и налоги...

- Знаете, я человек верный своему жизненному опыту, который нажил почти в одиночку. И, исходя из своего опыта, я думаю, что рынок в ближайшее десятилетие нам не светит. Эта идея выдана нам так же, как прежде была выдана перспектива светлого коммунистического завтра. Теми, кто действительно хочет идти к рынку, она трактуется как очень постепенный и длительный процесс. Что реалистично. Те же, кто говорит, что рынок может состояться через два-три-четыре дня или года, заблуждаются, не делая поправку на нашу государственность, ее особенности и черты нашего национального характера. Это очень напоминает китайский вариант марксизма-ленинизма. Кстати, Япония после всех своих потрясений пришла к рынку через пятнадцать лет. Франция определила, что рынок наступил в стране только в прошлом году, когда ввела свободные цены на хлебобулочные изделия.

У каждой страны свой путь. Если мы скажем, что хотим жить хорошо и для этого нужен рынок, может быть, так и надо сказать: мы хотим жить хорошо. И давайте не провозглашать академические, политические, идеологические концепции с трибун Верховных Советов, а нормально предупредим, что мы должны, прежде всего, затянуть пояса на ближайшие пять лет для того, чтобы потом жить лучше, чем пять лет назад. Вот что мы должны сказать друг другу.

- Не секрет, что в последнее время немало надежд возлагается на помощь из-за рубежа, на зарубежные капиталы и инвестиции. На что здесь могла бы рассчитывать наша культура?

- Тут все не просто. Сколько я просил Арманда Хаммера: "Ну вложите средства в библиотеку имени Ленина, помогите нам. Хотите, я потом под табличкой "Библиотека имени Ленина" продавать свои работы за валюту. Но нам надо думать о будущем, о том, что останется в музейных собраниях для потомков. К несчастью, в запасниках любого музея сейчас находится больше 90 процентов того, что он имеет, а экспонируется лишь мизерная часть художественных богатств. Так везде - и в Москве, и в Киеве, и в Таллинне, и где угодно. Это результаты той культурной политики, что проводилась десятилетиями.

И все же надо думать, как свидетельствовать эпоху. Свидетельствовать благодаря художникам, которые фиксировали ее в своей душе, переносили на холст или в скульптуру. И транжирить это непозволительно. Как же быть? Тут два выхода: увеличить художественным музеям суммы на закупки до 70 - 80 тысяч каждому - правда, и это не деньги - или хотя бы частично оплачивать художнику гонорар в валюте.

Но и художник должен понимать, что он плоть от плоти своего народа, и дарованное ему Господом Богом - тоже от народа. Достоевский говорил, что есть какое-то химическое соединение между человеком и родиной. Действительно, нельзя же еще и золотую прикреплю с вашим именем?" Но Хаммер, который всю жизнь, и это не секрет, наживался на нашей стране (я не понимаю, за что уж мы так ему благодарны, специалисты знают, какой гигантский ущерб он нам принес), Хаммер - этот символ благожелательности, доброжелательства по отношению к нам - он даже копейки не дал на библиотеку Ленина. Он говорил мне: "Вы мне отдайте вот эту коллекцию, а я вам за нее - письмо Ленина". Я говорю: "Но это же коллекция XIV - XV вв., это национальное достояние, а вы мне предлагаете письмо, которое представляет интерес для обществоведов. Где же логика?"

С этими людьми где сядешь, там и слезешь. Все без исключения западные коммерсанты за вложенную копейку хотят получить две. Поэтому не надо обольщаться, что Запад просто так будет вкладывать в нашу культуру деньги, если это не обещает двойных-тройных прибылей.

- Если позволите, еще один вопрос на ту же тему. Сейчас, чтобы вывезти произведение современного искусства за границу, требуется экспертиза Министерства культуры.

- Это, действительно, проблема. Сейчас каждый хочет заниматься коммерческой деятельностью, и, конечно, художникам интереснее предположить, что Шукшин или Тарковский из какой-то другой среды, а не из той, в которой жили. Часть таланта художника непременно принадлежит его земле, поэтому нынешний коммерческий запад - все на продажу, пусть здесь не будет ничего, а будет во Франции или Латинской Америке, мне непонятен. Извините, ретроград...

И еще. Художественную экспертизу перед вывозом произведения искусства за рубеж надо отдать не министерствам или комиссиям при райсоветах, а музеям, где есть возможность получить самую квалифицированную, компетентную экспертную оценку. Мы считаем, что все оценки и всю ответственность за вывоз произведений искусства за границу надо закрепить за художественными музеями республики. Иначе будет происходить то, что сейчас происходит, - огромное количество выставок вывозится за рубеж под эгидой творческих Союзов или других организаций - и попросту не возвращается в страну. И никто пока этого не может проконтролировать.

- Николай Николаевич, вы известный актер, режиссер, народный артист РСФСР. Каково ваше отношение к бытующим ныне предложениям отменить всяческие почетные звания?

- Коль сложилась традиция такого поощрения, то почему ей и не быть? Если мы доживем до того времени, когда каждый талант будет оплачиваться по достоинству, то, разумеется, и система званий может стать необязательной. Пусть им на смену придет международная практика премий, определяемых жюри за роль, спектакль, книгу, картину. По-человечески для меня звание, присвоенное когда-то, было, разумеется, предметом чрезвычайной гордости и радости, как положено, мы его отмечали. И сегодня я был бы готов отказаться от него, но как быть с людьми, которым ничего, кроме этого, в жизни не светит. У нас в Министерстве культуры лежат огромные папки представлений и, честно говоря, я каждый раз с чистой душой и совестью их подписываю. Понимаю, что это хоть какая-то награда человеку. Пока такая. Но хочется дождаться и другой.

- Ваша подпись отсутствует под обращением 116 деятелей культуры в связи с литовскими событиями. Вы не разделяете их позиции?

- Только что я получил вот это письмо: "Если вы человек чести, вам следует немедленно уйти в отставку, но благороднее было бы пустить себе пулю в лоб. Вы смеете толковать о нравственности, вы, вонючий подонок. Пусть ваши дети проклянут вас в веках, пусть они плюнут вам в лицо!" И подпись - "ваш бывший сослуживец".

Таких писем всем министрам приходит по нескольку в день, мне чуть больше, раз у нас в культуре свобод побольше...

Почему нет моей подписи под "Письмом 116", где написано, что Президент и Верховный Совет предают демократию? Не потому, что в момент подписания я играл в Праге "Бориса Годунова" на гастролях Таганки. Даже если бы в это время был в Москве, я бы все равно письмо не подписал. Я целиком и полностью против применения вооруженной силы, тем более, против насилия при решении политических вопросов. Но я целиком и полностью на стороне Президента и Верховного Совета, которые почти год, с 11 марта 1990 года, говорили, что действия избранного законно парламента Литвы нарушают конституционные нормы. Поэтому и не было моей подписи под этим документом. Это моя позиция. Кто-то может иметь другую.

В.АНДРЕЕВ.